

Расстели свой ковер...

> Сегодня туркмены отметят праздник, которого нет ни у одного народа мира

В ГОДЫ ЮНОСТИ гостила я летом в башкирском селе Новобелокатай, где жила моя тетя Поля с семьей.

Поначалу, как дорогую гостью, меня лишь за стол приглашали, а дня через три тетя Поля дала ведра, коромысло и послала за водой. Вспомнив царскую походку киношной казачки Быстрицкой, я шла будто пава. Набрав воды и подцепив ведра крючками, попыталась выпрямиться. Тяжеленный груз заставил охнуть и согнуться в три погибели. На полуогнутых, оставляя за собой мокрые кляксы, я еле дотащила до дома. Тетя Поля глянула на полупустые ведра, водную дорожку и укорила: «По старым-то временам никто бы замуж не взял, так в девках и свековала». Я надулась, а тетя Поля вспомнила свои молодые годы, времена коллективизации – тогда невесту высматривали, когда она «по воду шла». Требования, прямо скажу, драконовские: полные коромысла при царской осанке.

С той поры много времени утекло, «невестины» параметры вспомнила, когда оказалась в туркменском ауле – республиканское телевидение, где я работала, снимало для Москвы фильм о коврах. Бажи (так называют туркменских женщин) с гордостью показала шерстяное бордовое полотнище, усыпанное узорами-гелями, сотканное старшей дочкой. Такая мастерица была завидной невестой. В аулах, где женщины веками занимались ковроткачеством, будущую невестку выбирала мать жениха. «Характеристикой» девушки было ее рукоделие. Ровные геометрические узоры – значит, аккуратна и прилежна, плотность ковра (количество узлов на квадратный дециметр, самый плотный – до 6400 узлов) и его размеры говорили о трудолюбии.

Занятие это кропотливое и трудоемкое, сами туркмены говорят: легче иглой вырыть колодец в пустыне, чем соткать ковер. Именно в Туркмении, как ни в какой иной среднеазиатской республике из бывших братских, развито искусство ковроткачества. Условия бытия диктовали род ремесел. Издревле народ занимался кочевым скотоводством, которое давало и кров, и пищу. Овечья шерсть стала золотым руном, позволившим приладиться к кочевому быту: из шерсти валяли кошмы для юрт, она была сырьем для ковров.

Вспомним советского писателя Леонида Леонова, который воспел русский лес. Для туркмена ковер то же, что для россиянина лес. Новорожденного клали в ковровую колыбель. Первые шаги, согласно поверьям, ребенок должен сделать на ковре, лишь тогда его ожидала богатая жизнь. В кочевом быте ковер заменял чехолы, шкафы, сундуки, кровати, и каждая вещь имела особое название. Вместо стола и стула – постилочные ковры – халы, сумка для домашней утвари – торба, дверь в юрту заменял ковровый занавес – энси, на пороге стелили гермеч, дымоход закрывал умур думан. Одежду хранили в ковровых мешках – чувалах. В дорогу путники брали переметную суму – хорджун. Даже поводья для верблюда – бурунлык – были ковровыми. Молитвы возносили на специальном коврик – намазлыке. Отошедшего в мир иной хоронили, завернув в ковер (правда, отдельные племена). Как прошлую жизнь россиян, начиная с колыбели

и заканчивая гробовой доской, невозможно представить без леса, так и бытие туркмен неотделимо от ковра.

В настоящее время ковроткачество – основное ремесло не только в аулах. Моя туркменская подружка Гуля Курбанова, преподаватель английского языка, учила своих дочек ткачеству: девочки беспрестанно одаривали меня то кошечками, то сумочками. Но во все тонкости коврового искусства посвятила меня туркменская художница Вера Гылыева. Она сама разрабатывает рисунки и сама же тклет. Оказывается, для ковров годится шерсть только весенней стрижки белого, серого и

черного цветов. Раньше красители были природными. Красную краску добывали из корней марены, желтую – из цветов софоры, синюю – из листьев ревеня. Сейчас используют лишь химические красители.

Обычные ковры ткнут на горизонтальных станках. На тугие нити основы завязывают узелки и обрезают полукруглым ножом. За руками мастериц уследить невозможно, лишь пальцы скользят по нитям, будто по струнам арфы. Рисунки на коврах разные, но все геометрические, цветочков, лепесточков не найдете. Сведущий человек, глянув на ковер, угадает, в какой области и ка-

кое племени трудилось над полотном. У каждого племени свой медальон, или тотемный знак, орнамент которого передается из поколения в поколение. Традиционный повторяющийся медальон на карминовом фоне – текинский и мервский. В йомудских больше синих цветов – племя живет у Каспия. Есть керкинские, эрсаринские, салорские ковры, распознать которые могут лишь специалист и абориген.

Ковроткачество относят к самому демократичному искусству: у подружки Гули был «жив» ковер, сотканный ее далекой прабабушкой. Самые первые упоминания о туркменских ков-

рах относятся к XIII веку, тогда путешественник Марко Поло с восторгом писал о самых тонких и красивых коврах. В советское время старинные полотна хранили в музее изобразительных искусств. На мировых рынках за них давали очень большие деньги. Вера Гылыева наглядно продемонстрировала их ценность: провела рукой по ворсу – и тусклое полотно вдруг ожило спелой вишней. На возраст ковра указывает золотистая «побежалость». Со временем шерстяные кончики расщепляются и выцветают, поверхность ковра становится седой, а нижние нити сохраняют первозданные краски.

Иранские ткачи тоже преуспели в ковроткачестве. Однако при создании дорогих полотен не обошлось без садизма: пряжами заставляли работать девочек не старше трех лет. Лишь нежные пальчики малюток могли скрутить тонкую, чуть ли не паучью нить. Со временем дельцы научились искусно «старить» ковры. Бросали под ноги прохожим – и через неделю-другую кончики драгоценных нитей расщеплялись, и появлялась та самая золотистая «побежалость», за которую вырвали большие деньги.

При социализме в Туркмении стали популярны ковровые портреты. Дошло до того, что ни один день рождения партийного босса не обходился без подношения коврового портрета с изображением начальственного лица. Ткали их по спецзаказу на фирме

«Туркменковер», но не на горизонтальных, а вертикальных станках. По рисунку художника восемь часов кряду, не поднимая головы, завязывали ткачи бесчисленные узелки, создавая тканые образы коммунистов-баев. При фирме был музей, в котором находился уникальный памятник терпению туркменских мастериц: на огромном ковре (10 на 15 метров), сотканном в 20-х годах прошлого века, коллективный портрет революционных вождей пролетарского государства. Разный цвет фона директор фабрики объяснил изменениями политической ситуации. Представьте: объявили Тухачевского врагом народа, значит, ковер снимали, узлы распускали и вместо него ткали облик пришедшего на смену партийного лидера. По числу заплаток на ковре можно изучать историю репрессий. Где сейчас этот раритет? Если не сожгли, должно быть, пылится в запасниках.

Стремление социализма к гигантизму не обошло и ковроткачество: перед войной был соткан самый большой в мире ковер площадью 180 квадратных метров. Говорят, создавали его для Большого театра, но просчитались – весит гигант больше тонны. После войны для него в Ашхабаде специальное здание из бетона возвели.

Насколько ковроткачество вошло в быт и жизнь народа, говорит тот факт, что на гербе республики был изображен ковровый гел. А Ниязов придумал национальный праздник – День ковра, который отмечают 30 мая. К нему и приурочена эта статья.

С появлением ковров машинной вязки спрос на туркменское рукоделие резко упал. «Ручные» ковры и дорогие, и не всегда качественно исполненные. Творчество, поставленное на поток, стало вырождаться. С туркменским ковром произошло то же, что с нашими хохломой и гжелью. Директор ковровой фабрики, доверительно, «не для съемок», жаловался: мастерицы перевыполняют план, дают продукцию на-гора, но сидят без денег – ковры не покупают. В доказательство открыл огромные комнаты, до потолка забитые готовой продукцией. Конкурентно фабричным изделиям составляют и ковры ремесленных мастериц. В базарный день загородный рынок расцветал коврами, которые свозили со всех областей республики.

Во времена туркменбашизма умные руки ковровщиц «наизусть» ткали лишь один светлый лик – отца всех туркмен Ниязова. Помню, озадачило меня сюжетное полотно одного из художников: «Туркменбаши в Мекке». Около священного черного камня туркменская делегация в белых одеждах, из-под которых виднеются стильные черные туфли. Указала я на режущую глаз деталь и очень пожалела. «Ковровый» художник принялся стенать: сколько трудов надо положить, чтобы убрать все «туфельные» узелочки. Потом усомнился, вправе ли он изображать босых правителей? Сколько потом пришлось распустить узелков, когда многие «ковротканые» типажки пропали в подвалах туркменских спецслужб. Это коврово-политическое полотно постигла та же судьба, что и коллективный портрет с изображениями революционных вождей полувековой давности...

Лишь в мастерской Веры Гылыевой одышала душа: тонкий художник, она бережно сохранила народные традиции в современных творениях, создав огромный гобелен – символ древа восточной культуры, на котором выткала образы семи поэтов-классиков.

Ткать ковры я не научилась, и сейчас очень завидую американским девушкам-волонтерам, которые наводнили Туркмению после перестройки. Добравшись на вертолете до аула в песках, они за четыре месяца осваивали не только язык, вязание, вышивку, но и ковроткачество. Даром. В США такая учеба влетает в копеечку. Американки постигли Восток и считали, что невозможно узнать народ, не изучив его ремесел. Они правы, еще мудрые аксакалы говорили: расстели свой ковер, и я узнаю твое сердце ☺

ИРИНА КОРОТКИХ